

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Константин Симонов

Так и будет

Пьеса в двух действиях,
шести картинах

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
С37

***Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»***

Симонов, К. М.

С37 Так и будет : Пьеса / Константин Симонов. — М.:
Агентство ФТМ, Лтд., 2016. — 102 с. (Библиотека
драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2323-2

«Так и будет» относится к пьесам Симонова о последнем периоде Второй мировой войны, тонко уловившим умонастроения людей, находящихся в переходном состоянии от военного существования к мирной жизни. Героико-романтическая драма названа на жесткий каркас имущественного конфликта, а точнее, пресловутого «квартирного вопроса» — залог крепкой интриги во все времена. Финал — по-чеховски размыт: следуя логике общего жизнеутверждающего тона пьесы, квартирного уплотнения, на сей раз — по собственному желанию, героям не мигновать.

ISBN 978-5-4467-2323-2

© Симонов К. М.,
наследники, 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Федор Алексеевич Воронцов — академик архитектуры, 55 лет.

Тетя Саша — его сестра, 60 лет.

Оля — его дочь. 23 года.

Дмитрий Иванович Савельев — инженер-полковник, 40 лет.

Вася Каретников — его адъютант, лейтенант, 28 лет,

Ваня — воспитанник Савельева, 13 лет.

Полковник Иванов — артиллерист, 40 лет.

Анна Григорьевна Греч — майор медицинской службы, 42 года.

Степан Степанович Чижов — управляющий домом, 50 лет,

Сергей Николаевич Синицын — архитектор, 20 лет,

Надя — старший сержант, зенитчица, 28 лет.

Дело происходит в Москве летом 1944 года.

Действие первое

Картина первая

*Москва, начало осени. Большая общая комната в квартире Воронцова. Три двери. У круглого обеденного стола за утренним поздним чаем **Воронцов** и **Надя**.*

Надя. Ну, как блинчики мои? Хуже не стали?

Воронцов. Лучше. Как все после долгой разлуки.

Надя. Я на батарее девочкам тоже иногда пеку.

Воронцов. Хвалят?

Надя. Хвалят. Это как развлечение — вдруг блинчики испечь. Скучно.

Воронцов. А тебе непременно чтоб бомбы? Нашто старый дом проморгала. Мало тебе? Ты что же, теперь сержант?

Надя. Старший.

Воронцов. Старший. А нос все курносый. После войны обратно ко мне в работницы не пойдешь?

Надя. Не пойду.

Воронцов. И не ходи. Занятие обидное и выми-
рающее. Ну, как тебе моя Ольга после разлуки?

Надя. Еще лучше стала.

Воронцов. Уж сибиряки сватались, сватались.

Надя. Жалко, Виктор Иванович погиб.

Воронцов. Да. Вот тут, бывало, сидел. Но любил
сладкий чай, помнишь?

Надя. Помню.

Воронцов. И погиб. Не муж ей был, но помнить
себе о нем велела.

Надя. И помнит?

Воронцов. Помнит. Пока. До любви. Ведь па-
мять — она только от напрасного охраняет. А при-
дет любовь, все ломает.

Надя (*кивнув на дверь*). А Сергей Николаевич все
дружит, ходит.

Воронцов. Дружит. Все мы так. Дружим, дру-
жим...

Оля выходит из своей комнаты вместе с Синециным.

Оля. И беру с тебя слово: после лекции — сразу
к нам.

Синецын. Хорошо.

Воронцов. Первая публичная? Волнуешься?

Синецын. Немножко. До свидания. (*Уходит.*)

Оля (*в дверях*). Приходи. А то поссоримся.

Воронцов. По-моему, и так поссорились.

Оля. Пока нет.

Пауза.

Дай блинчик!

Воронцов (*отправляя блинчик в рот*). Какой блинчик? Вот у сержанта проси.

Надя (*улыбнувшись*). Нажарить?

Оля. Нажарь. Мы его выгоним в кабинет, а сами тут, как он выражается, — наведем.

Надя выходит.

Воронцов. Объяснился?

Оля (*кивнув*). И главное, зачем? Все было так хорошо.

Воронцов. Молчание — золото? Да? А мысли?

Оля. Что мысли?

Воронцов. Мысли его на этот предмет тебе — что — неизвестны были? А впрочем, сам виноват. Любитель слишком длинных осад. Глупо. Я сторонник штурмов. Штурмовал твою мать три дня и счастливо жил с ней до ее смерти. И так, он сказал тебе «будь моей», а ты предложила ему взамен чистую дружбу? Так?

Оля. Не совсем так, но, в общем, да.

Воронцов. Не поймет.

Оля. Почему?

Воронцов. Потому что мужчина. Будет ходить и надеяться. Я в этих вопросах за старинное варварство: «Я прошу вашей руки, Глафира Степановна». — «Нет, я не буду вашей женой, Тимофей Лукич». — «Прощайте, Глафира Степановна». Цилиндр в руки, и больше в этот дом ни ногой. А вы: «Сереженька, приходи вечером, а то я рассержусь».

И завтра приходи, и послезавтра. Будем вместе смотреть альбомы и пить чай с папой!»

Оля. А знаешь, ты, как фокусник, — раз, и самую серьезную вещь вдруг вывернешь так, что она выглядит глупо.

Воронцов. А почти в каждой серьезной вещи есть своя глупая сторона!

Оля. Что ты злишься на меня?

Воронцов. На тебя? Я на него злюсь. Он же талант! Я то вижу. Он когда за проектную доску садится, чертом делается. Когда-нибудь такие города строить будет, что нам и не снилось! Я в сорок первом сам в ополчение пошел, а его, молокососа, забронировал, думаешь, так просто? Талант... А, душа не по таланту. Средняя душа, небольшая. Ему бы, по его таланту, такую душу иметь, чтоб в ней все потонуло — и Виктор твой, и воспоминания. Такую душу — чтоб сгреб в нее тебя, как медведь, и не выпустил бы. Нет, где там...

Оля. Папа.

Воронцов. Что?

Оля. Если бы ты был не ты, а я — не я и тебе было бы лет на двадцать меньше, я бы тебя непременно полюбила.

Воронцов (*ворчливо*). Слава богу, нашла наконец подходящего жениха. (*Подходит к этажерке, достает фотографию.*) Вот, пожалуйста, в двадцать четвертом году снимался. Возьми. Носи с собой в сумочке и смотри на проходящих мужчин, когда увидишь похожего, — знай, жених!

Оля. Опять ты! А я почти серьезно.

Воронцов. А я тоже — почти серьезно.

Звонок. Оля уходит в переднюю. Возвращается с Чижовым.

Чем могу служить?

Чижов. Товарищ Воронцов, я в больнице был, когда вас сюда поселили...

Воронцов. Так точно. После возвращения из эвакуации третий месяц в ваших палестинах живу, поскольку мой немец разбомбил.

Чижов. Эта квартира, я хотел вас предупредить, инженера Савельева была, Дмитрия Ивановича... Вам ничего не говорили?

Воронцов. Ничего. Сказали, что вещи тут стоят, когда нужны будут — заберут.

Чижов. Вот именно, вещи. Это Савельева вещи. Надо вам сказать, как на грех, аккурат перед войной он с женой и дочерью на курорт какой-то поехал возле границы. И предполагается, что погиб там с семейством, иначе бы известия были.

Оля. Это их фотографии в той комнате стоят?

Чижов. Их. Ну, раз вы даже ихние фото не тронули, мне вам незачем объяснять про сохранность. Конечно, об них и слуху нет, но я сам в ополчении был, знаю: пока без вести — это еще не помер!

Воронцов. В какой ополченской были?

Чижов. В нашей, Бауманской.

Воронцов. Стало быть, однокашники.

Чижов. А разве вы тоже?